

СЕРГЕЙ
SKOLORUSSOV

ПАЛЬЧИКИ

16+

Сергей Skolorussov

Пальчики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43185972

SelfPub; 2019

Аннотация

Браки, как известно, совершаются на небесах. Но к знакомству влюблённых вполне может приложить руку сам дьявол. Так и произошло с героями этого произведения. Любовь зла, но это любовь. Способна ли она выдержать испытания разлукой, обманом, богатством, угрозой смерти? Изложенную здесь историю автору рассказал случайный знакомый. Поэтому все имена, названия и даже даты изменены, так как реальные герои не давали своего согласия на публикацию. Любые совпадения считаются непреднамеренными. В добрый путь по страницам книги.

Содержание

Часть первая	4
Разминка пальчиков	4
Пальцы веером	9
Вокруг пальца	20
Десять пальчиков и один лох	26
Часть вторая	32
Пальчики вернулись	32
Поманила пальчиком	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Часть первая

Разминка пальчиков

Эта история началась из-за придури Серёги Воробьёва. Из-за своего закадычного друга я в конце концов и превратился из пай-мальчика в рецидивиста. Из-за него моя печень изъедена бесконечными укусами совести. Впрочем, мой «хитрый бес», сидящий до этого момента где-то далеко на задворках совести, должен быть благодарен Воробьёву до гробовой доски. Все бесовские робкие жужжания, все мерзкие советы, толкающие на скользкую дорожку, многократно сбылись. И не просто сбылись, а с жуткими приключениями. На мою долю выпало столько этих приключений, что их хватило бы на десять, нет, на сто человеческих судеб. Если бы я был режиссёром, то однозначно снял бы по мотивам этих приключений художественный фильм. Очень художественный. Такой, что мне дали бы какого-нибудь угловатого на вид Оскара за божественный сценарий и за жуткие страдания главного героя.

Столь противоречивые чувства к своему лучшему товарищу у меня возникли не сразу. Мама всегда говорила: «В жизни надо уметь анализировать ситуацию, думать, как поступить и правильно выбирать друзей». Это она на Воробьё-

ва намекала. Не нравился он ей почему-то. Говорила, но я, естественно, только машинально стряхивал её мораль со своих ушей. С последним её наставлением – с выбором друзей, у меня и случился прокол. И вовсе не потому, что Серёга Воробьёв плохой товарищ. По крайней мере был до того момента, когда дело коснулось денег. Больших денег. А в зачатке этой истории я к нему относился как к другу, про которого говорят не разлей вода и два сапога – пара. Или это про другое говорят? Плевать. Я всегда считал, что Воробьёв отличный парень во всех критериях хороших дружеских отношений. Почему я так считал? Не знаю. Он был моим другом с момента поступления в университет. То есть, без малого уже десять лет. И что? Да, ничего! За это время у нас не было причин обижаться друг на друга. Этого мало для того, чтобы считать человека хорошим другом? Ну, не знаю. Да, вот ещё один немаловажный фактор, подтверждающий мои убеждения, что я дружу с настоящим хорошим человеком. «Серёга был примерным мужем. Серёга жён своих любил!» – это, как нельзя точно, сказано про Воробьёва. Любить жён – это достоинство или недостаток? Я считаю, что у Серого это было достоинством. Он искренне и долго любил каждую из своих жён. Вы сомневаетесь, что это достоинство? Как? А тот факт, что после развода Воробьёв оставил каждой из жён по трёхкомнатной квартире и машине? Что, резко изменили отношение к нему? Теперь вы не сомневаетесь, что мой товарищ был хорошим человеком? Нет? Вот и я не сомневал-

ся. Правда, всё это было куплено на деньги его родителей. Очевидно, что предки его были не бедные. Никогда не задумывался, кто из них приносил «мани» в дом. Воробьёв-старший работал в питерском ФСБ. Вряд ли там платят столько, чтобы раз в три года покупать сыну очередную квартиру. С другой стороны, мама Серого – домохозяйка. Может, ей муж столько денег отваливает каждый месяц за её ненормированный ответственный труд, что вся семья живёт, мягко скажем, безбедно? Короче, не знаю, чем там кто из его предков промышляет, принося семье достаток, но Серёгу Воробьёва я считал своим настоящим и единственным дружба-ном. Первый раз он женился сразу, как мы стали студентами. Я был свидетелем на его свадьбе. Второй раз он повёл невесту в ЗАГС на четвёртом курсе. Я был его свидетелем. Через три года я вновь был свидетелем на его свадьбе. Пора уже забросить эти нудные хождения в осточертевшую мне контору и дать объявление на «Авито»: «Услуги свидетеля. Недорого. Гарантия три года». С каждой из своих пассий Серёга прожил ровно по три года. С последней, правда, на неделю больше. Разве мог я ему за такую последовательность семейного уклада предъявлять претензии? Конечно, нет. Нашему крепкому мужскому союзу в сентябре стукнет ровно десять лет. То есть, дружбу со мной он возносил, как минимум в три раза выше, чем любовь к жёнам. Что сделаешь, если парень такой влюбчивый? Странный, но влюбчивый. Что тут странного? Странно то, что его равнодушие к женско-

му полу имеет несколько, я бы сказал, неестественные, несовременные и причудливые формы. Каждой понравившейся ему девушке этот жёнолюб всегда делал предложение. Ну, не извращенец ли? Вот, надо же такому уродиться! С другой стороны, вновь повторюсь, столь несовременная интерпретация Воробьёвым чувственных отношений и «Закона о браке» в моём восприятии его, как настоящего друга, вызывало лишь дополнительные уважения. Не каждый на такое способен. Мне, как ближайшему его другу, приходилось быть вовлечённым во все эти свадебные события, как говорится – с полным погружением. Я был свидетелем не только на всех свадьбах Воробьёва, но и на разводах. Слава богу, что после третьего вхождения в узы Гименя мои ежедневные советы были, наконец, восприняты другом с полной ответственностью. С тех пор он не стал торопиться делать предложение очередной пассии уже после первой встречи. Теперь Серый пристрастился загодя устраивать смотрины-помолвки, отстоящие от дня свадьбы на длительный срок. Это дало положительные результаты. Семь последних помолвок не стали поводом для заключения брака. За время между смотринами и свадьбой шустрый в сердечных делах Воробьёв успевал переключиться на новую избранницу. События, о которых я хочу рассказать, начались с того, что наш ловелас позвал меня на очередную попытку «стать примерным мужем». Как всегда, мы собрались в ресторане узким кругом ближайших друзей – человек сорок, не больше. Помолвка удалась на сла-

ву. Было так весело, что я даже не очень запомнил, как выглядела очередная невеста Воробьёва. Если честно, я вообще плохо помню тот вечер. Обед перед смотринами у меня резко превратился в утро следующего дня. И всё!

Я рассказал прелюдию действия. Перейду к основному изложению событий. Вот о них я всё чётко помню. Без всяких провалов памяти. Помню даже до тонкости все свои ощущения. Каждым органом, каждой клеточкой своего молодого организма. Помню: проснулся я наутро от звука... , нет, стоп! Всё было не так! Я проснулся на утро третьего дня. А уже затем вспомнил события дня предыдущего. Точно! Ощущения моего мироощущения возвращались именно в такой последовательности. Значит, так я их и изложу.

Пальцы веером

...Слава богу, это сон. Сейчас я открою глаза и увижу привычный антураж своей спальни. У-у-у! Господи, откуда? Откуда доносится этот нудный вой сирены спецмашины? Я уснул с включенным телевизором? Сирена приближалась, и её звук становился всё навязчивей. Бедная моя голова... Я открыл глаза.

Это явно был не сон. Я никогда не ложился спать прямо на улице, упершись затылком в холодный железный фонарный столб.

Светало. Впрочем, в Питере летом светает всю ночь. Без бутылки не разберешься: поздний вечер это, или раннее утро. Без бутылки? Я ухмыльнулся. Сколько надо бутылок, чтобы разобраться, как я здесь очутился? Неужели, я вчера так сильно напился? Не помню. Ватная башка отказывала мне в любых воспоминаниях. Машина с сиреной приближалась. Стоп! Всё же это сон! Или у меня дежавю? Полный дежавю! Или «полное»? Плевать, если даже правильно «полная». Но я уже так просыпался! Вот, буквально вчера. Пьяный и неизвестно где. Под звуки сирены. Только в прошлый раз она была не в виде завываний, а в виде криканий полицейских авто, тех, что сопровождают правительственные эскорты. И я вспомнил...

... Дурная голова больно реагировала на крикалку спец-

сигнала. Будь проклят мой закадычный дружок, поставивший мне на телефон вместо простого звонка это «чудо рингтона». Ну, какая же всё-таки скотина. Да, блин, какая скотина! Какая упертая скотина звонит мне так настойчиво посреди ночи?! Я открыл глаза и обнаружил, что никакой ночи уже и в помине нет.

– Аллё, – я с трудом разомкнул слипшиеся в сплошной бетон губы.

– Привет, Серёга!

– Это ты Серёга. А я Сергей Викторович, – это наши привычные с Воробьёвым «иглоукальвания». – По какому поводу такая настойчивость?

– Ты куда вчера пропал?

Точно! Вспомнил! Вчера была пьянка. Вернее, званый ужин в ресторане по поводу предстоящей очередной Серёгиной попытки окольцеваться. Так сказать, проба пера. Что-то я вчера напробовався. Даже чересчур напробовався. Ощущение организма такое, как после полноценной свадьбы, на которой порвали кучу баянов! Но, правда, куда я вчера пропал? Я осмотрел спальню. Вчера я, видимо, не поехал домой. Точно! Не поехал!

На другом конце трубки посыпались новые вопросы. Но я их не смог разобрать:

– Б-р-р! Не торопи! Включаю мозг.

В это время в дверь настойчиво позвонили. Звонки тоже не мой. Мелодия другая.

Трель в прихожей уже звучала без перерыва. Очуметь! Я нужен всем! Причем сразу и везде!!! Ну что случилось? Я забыл закрыть воду в ванной?

– Погоди, Серёга. Кто-то ломится в дом, – пролепетал я в трубку и пошел проверять моя ли это дверь, и кто так настойчиво пытается в неё войти.

Дверь была не моя. А с другой её стороны я обнаружил вполне себе эффектную блондинку.

Ни «здрaсте» тебе, ни «до свидания». И даже ни «спасибо» за открытую дверь! Как там: «...ля-ля, ля-ля... дорогу грудью проложим себе»? Вот точно таким же способом она буквально выдавила меня из проема входной двери в прихожую.

– Осторожно закрывай дверь. Осторожно, говорю! – девушка прикрикнула на меня с такой интонацией, как будто я вчера клятвенно обещал ей вбить гвоздь, но не выполнил своих обещаний.

Впрочем, врать не буду, я подумал вовсе не о гвозде. А о более интимной ситуации.

– А то что? – встал я в позу.

– А то вот! – она предъявила мне свою ладонь с пятью загипсованными пальцами.

Кошмар! Просто ужас какой-то. Но зато этот ужас благополучно разогнал последние тучи на небосклоне затуманенного пьянкой сознания. Нет, к поломке многочисленных пальцев я не имел никакого отношения. Но девушку вспом-

нил. Мы с ней вчера танцевали. Помню даже, как подкатывал к этой красавице на грани приличия. Я бываю красноречив. Пили мы с ней. Это я отчётливо помню. Потом опять пили, танцевали и снова пили. В общем, интересно и разнообразно проводили время. И, видимо, я потом пошел её провожать. Впрочем, не уверен. Сейчас узнаем.

– Серый! – я всё ещё держал в руке телефон. – Кем тебе приходится эта хорошенькая девушка, с которой я вчера...

В этот момент «хорошенькая девушка» ударила своей изувеченной пятернёй по моей руке, и телефон запрыгал по полу.

– Ты чего?

– Прости! Я нечаянно, – она пожалала плечами с таким видом, как будто она наивная Красная Шапочка, а я Злой Волк. – Потом перезвонишь.

– Почему?

– Потому! Твоя девушка получает травму. Заметь, из-за тебя! А ты, вместо того, чтобы сопроводить её в больницу, дрыхнешь. А потом ещё выказываешь ей свое полное пренебрежение.

Она возмущенно скривила губы, скинула туфли и прошла в комнату.

– Закрой прямо сейчас балкон!

Её приказной тон был мне не привычен. Но вполне интересен. Мною ещё никто так не командовал.

– С балконом-то, что не так? Духота жуткая!

– Когда он открыт, сквозняк хлопает входной дверью, – в доказательство она вновь показала мне свои пальцы.

– Так это ты дверью та-ак? – дошло, наконец, до меня.

Я даже присвистнул, пытаясь запоздало соболезновать.

– Да!!! А ты даже глаз не открыл! Просто скотина! А от моего крика, между прочим, в нашем районе родили все. Абсолютно! Даже те, кто не был беременным.

Она подула на пальчики, если в данный момент их можно было так называть. Я не удержался и съязвил:

– Зато сэкономишь на маникюре.

– Можешь валить! Все мужики скоты! Думают только о себе.

Сказано это было не особо настойчиво. Так, для проформы. Немного заученно.

– И как ты умудрилась? – я участливо попытался загладить свою бестактность.

Впрочем, возможно, мне просто не хватало деталей для будущего красочного рассказа о своих похождениях.

– Как-как? Та-ак! Хотела позвонить. Взяла телефон. Пошла в ванную комнату. Между прочим, заметь, чтобы тебя не будить! Телефон выскользнул, ударился о раковину и отлетел под ванну. Хорошо хоть не в унитаз. Но всё равно не работает! Поискала в твоих карманах. Не нашла. Ты где свой прячешь?

– У меня специальный кармашек. «Яблочко», хоть и надкушенное, но дорогое.

Это я так в шутку называю свой Apple.

– А-а-а. Вот поэтому я пошла к соседке. Тут мне дверями пальцы и прихлопнуло. Между прочим, мальчик, который дверь ставил, сказал, что её из пушки не прошибёшь. Сталь специальная, танковая. «Армата», что ли? Тонны две весит.

Видимо, «мальчик» ещё тот фантазёр!

– Позвонила?

– Позвонила... Соседка в «Скорую», – она протянула свою изуродованную руку за моим новеньким айфоном. – Мне очень надо! Дай мне твой телефон.

– На! Только другой рукой возьми.

Она вытащила из-за спины вторую руку. Но на ней тоже не было живых пальцев. Все в гипсе. Я прыснул со смеху:

– Стрельба дуплетом! А говорят, что снаряд два раза в одну воронку не попадает. Ха! Тут сразу десять попаданий!

Да, два раза не попадает. Но для блондинок, как хорошо известно, во всех правилах есть исключения.

– Тебе смешно! А я, между прочим, навзрыд от боли ре-вела, пока соседка снова «Скорую» вызывала.

– Представляю глаза врачей, приехавших дважды в течение одного утра по одному и тому же адресу и по одному и тому же поводу, – я на самом деле просто ржал.

Ну, действительно – смешно.

– Телефон дашь?

– Дам. Только с одним условием. Расскажи сначала, – и я указал на вторую её руку.

– Чего рассказывать? Если кто-то открывает дверь в подъезд, а у меня дома в этот момент открыто окно или балкон, то входную дверь даже Шварценеггер не удержит. А у меня на тот момент всего одна здоровая рука была. Заметь! Я, вернувшись после первого посещения «Травмы», сначала полчаса в дверь звонила. Безрезультатно! Из-за тебя всё! – и она показала мне свои руки.

Почему безрезультатно? Результат налицо. Вернее, на пальцах. Надеюсь, она сегодня уже выполнила свою ежедневную «норму везучести».

– На! Даю только потому, что мой айфон противоударный. Она неуклюже взяла телефон двумя руками.

– Может, тебе номер набрать?

– Нет. Как-нибудь сама. Я в ванную. У меня секретный разговор, между прочим.

Но только она закрылась там, как я услышал, что она чертыхается.

– Что опять не так?

– Я сломала твой айфон.

Как его можно сломать? Я распахнул дверь.

– Он там, – она кивком головы указала в сторону унитаза. – Он выскользнул, ударился о раковину, но на этот раз прямоком в воду.

Видимо, норму везучести она ещё не выбрала. Девушка жалостливо выпучила губки. Я не побрезговал и вытащил телефон. Но он не включался. А что ты ещё ждал? У блон-

динок не жизнь, а сплошные воронки. Но уже не смешно:

– И что теперь?

– Ничего. Хочешь, я тебе деньги отдам?

– Прям, возьмешь и отдашь?

– Да! Прям, возьму и отдам, – передразнила она меня. –

Заметь! Сама виновата. Сама и отдам.

Она горестно потрясла своими гипсяшками, зачем-то дуя на них:

– Ну не прёт мне сегодня.

– А обычно?

– Так! Хочешь деньги за телефон – значит должен мне помочь. Тем более, что ты сам во всем виноват.

– Это в чем?

– Зачем ты меня вчера напоил? Зачем соблазнил? Зачем спишь, как сторож? Зачем телефон прячешь? И! Заметь! Зачем ты даешь свой дорогой айфон девушке с инвалидными руками?

Она ткнула своими гипсами мне в морду. Логика просто убийственная.

– И чем я тебе должен помочь?

– Я звонила другу. Он обещал проводить меня в банк. Но ты теперь сам хочешь пойти вместо него. Правильно? Значит, в банк пойдешь ты! Ты честный человек?

Ну и вопросыки.

– Пока ничего у тебя не украл.

– Замечательно! Мне надо документы в ячейку положить.

Ничего сложного. Это с работы документы, между прочим. Поможешь, а я тебе там деньги сниму и отдам.

И мы начали собираться в банк.

Сначала она решила сделать анестезию головного мозга.

Формула этого процесса была предельно проста.

Мы выпили по банке пива...

Затем по бутылке сухого вина...

Шампанского в холодильнике тоже было две бутылки...

Вискарь был не очень...

Мы не смогли осилить даже одну бутылку.

Правда литровую...

– Почему ты меня по имени не называешь?

– И, правда, почему? Может, я его не знаю?

– Может, и не знаешь. Я Снежана.

Снежана. Имя какое-то кукольное. Но не самое оригинальное. Были уже в моей жизни: Анабель, Бриана, Дейвон и даже Кассандра. Если честно, я немного приврал. Но одну из моих бывших точно звали Анабель.

– А коротко – Жана? – я для смеха сделал ударение на второй слог.

– Коротко можешь звать меня Снежок.

Ну, Снежок, так Снежок. Для блондинки само то.

– А я Сергей.

– Я знаю, – махнула она вяло рукой.

После того как мы так близко узнали друг друга, было принято решение, что пора уже перейти из кухни в спальню.

Но я до назначенного пункта не дошел и, как оказалось после, устроился удобненько на диване в гостиной.

Проспал я от силы час. Она меня растолкала и загнала под холодный душ. Он помог, но не очень. Вчерашние дрожжи и усиленная анестезия головного мозга давали о себе знать. Я был по-прежнему подшофе. Но моя собутыльница – как будто и не пила.

Одевалась она как настоящая блондинка. В смысле медленно и основательно.

– Мы не опоздаем? Время уже без двадцати шесть?

– Нет. Банк работает до семи.

Девушка перемерила и показала мне весь свой гардероб. Я участвовал в этом процессе не только глазами. Её «гипсовые» пальцы не были приспособлены для застегивания молний, застёжек и пуговиц. Кстати, я открыл в себе ещё один талант. Талант визажиста. Если наступят трудные времена, пойду девчонок «макияжить» за большие деньги. За очень большие деньги. После наведения мной на её лице красоты, Снежок мне стала нравится несравненно больше, чем в тот момент, когда я открыл дверь.

В конце сборов блондинка вдруг сдернула с головы парик:

– Сегодня я буду Огоньком.

И она протянула мне рыжий парик:

– Помоги!

Вот тебе и Снежок, вот тебе и «воронки». А под париком скрывалась вовсе не блондинка и даже не шатенка. Пе-

ред выходом из дома она повесила на нос огромного размера солнцезащитные очки. Это вечером-то? Видимо, отсутствие логики и смысла в действиях – прерогатива не только блондинок.

Вокруг пальца

Банк оказался в пяти минутах ходьбы от квартиры с «арматовыми» дверями. Но когда мы туда пришли, нас не хотели впускать, так как до конца работы оставалось менее 10 минут. Пригрозив звонком руководству и ещё чем-то, мы всё же вошли. Я быстро оформил на свой паспорт ячейку. Вот уж глупость несусветная. Она, видите ли, из-за травмы не может расписаться в договоре. А забирать свои документы ты как теперь без меня будешь? Вдруг я исчезну?

Работник банка хотел пропустить в «сейфовую» только меня. Но и тут бывшая блондинка нашлась:

– Мы ещё не решили, какие брюлики положим в ячейку, а какие я сегодня одену на вечер. Давайте не будем спорить, а то мы из-за Вас в «Мариинку» опоздаем.

Я живо представил её в рыжем парике, с большим бриллиантовым колье и десятью гипсами на пальцах, украшенных толстенными кольцами и перстнями. В подобном виде только «Лебединое озеро» смотреть. Такими костяшками даже можно такт музыки отбивать: та-та-та-та-та-татата.

Сотрудник тут же сдался, чтобы как можно скорее отвязаться от припозднившихся капризных клиентов, и проводил нас к ячейке. Мы с ним открыли её каждый своим ключом. Он вытащил ящик, поставил его на стол, вышел и закрыл на ключ решетку, отделяющую зал сейфовых ячеек от

других помещений банка. Я вдруг почувствовал болезненный укол в верхнюю часть бедра. Голова закружилась, и я начал терять сознание. Снежок подхватила меня и завопила:

– Помогите! Он умирает!

Сотрудник банка мгновенно распахнул решетку и тут же свалился у моих ног. Это было последнее, что я тогда запомнил...

...Холодный фонарный столб благодатно воздействовал на мою больную голову. Я начал потихоньку соображать. Машина с сиреной уже была совсем близко от того места, где я сидел на асфальте. Наверное, что-то случилось. Черт возьми! Конечно, случилось! Я начал вспоминать себя, лежащим на полу сейфового помещения. Рядом валялись тот самый сотрудник и неизвестный мне секьюрити. Через нас то и дело перепрыгивали, явно торопясь, две пары мужских и одна пара знакомых мне женских ног.

– Сколько у нас времени? – спросил мужчина.

– До пятницы мы совершенно свободны, – ответил ему второй.

– Я серьезно.

– И я. Завтра же пятница. Никто не знает, что мы здесь. Всё тип-топ!

– Тогда вскроем ещё один шкаф. Ты куда опять тащишь «деревянные»? Я сказал: только валюту! И никаких украшений!

Обладатель этого голоса споткнулся об меня и увидел, что

я открыл глаза.

– Ба! Да у нас тут свидетель! – он живо схватил меня руками в перчатках за грудки и приставил спиной к сейфовому шкафу. – И что теперь с ним делать?

– Кончать его надо! Кончать! – проверещал, коверкая голос, его веселый напарник. – Хотя нет! Давай всё на него свалим!

– Давай!

И они стали таскать мое еле живое тело по залу и на всех сейфах фиксировать мою пятерню.

– Этот тоже он вскрыл!

– И этот!

– Стоп! Дадим ему пушку и стрельнём в «мусора».

Они вложили в мою ладонь холодный пистолет и направили его в сторону лежащего на полу охранника.

И тут я услышал голос Снежка:

– Вам весело? Может, дело сперва закончим?

Что было дальше, я не знаю. Меня чем-то вырубил. Может, уколом. А может, шокером. И вот теперь я сижу на улице, и наблюдаю картину «Прибытие полиции». Наблюдаю с ужасом, знакомым первым кинозрителям братьев Люмьер. Я здесь, на земле! А там, в банке кругом мои отпечатки пальцев и пистолет!!! Чёрт подери! О, это будет самое быстрое раскрытие преступления! Грабитель на радостях напился и смог отползти от ограбленного им банка всего на 50 метров.

Мои руки были в наручниках, прицепленных к какой-то

цепи за моей спиной. По крайней мере, брякало там что-то очень похожее на цепь. Я посмотрел на себя ниже шеи. Это была витрина нэпманского ювелирного магазина! Из карманов пиджака, а на смотрины к другу я по давней традиции всегда хожу в костюме, торчали женские украшения и купюры разного достоинства. Бусы, колье и браслеты облепили мои запястья и шею. Здесь под браслетами я имею в виду вообще не полицейские наручники. Рук своих я не видел. А вот запястья ног, или как там они на ногах называются, видел хорошо. Так вот, бусы, цепочки и браслеты украшали мои ноги прямо поверх штанов. Но самой большой жемчужиной этой коллекции была картонная табличка с надписью. Точно такая же, как у попрошаек. Но висела она на моей шее. Я сразу вспомнил «Крепкий орешек» с Брюсом Виллисом. Грабители, видимо, его тоже смотрели, и, попросту, прикололись надо мной. Так может это всё же сон? Я просто насмотрелся Брюса на ночь и мне теперь снится всякая чертовщина? Надо просыпаться! Я дернулся. Но сила действия равна противодействию. Возвратная фаза этой попытки сбежать с места преступления обернулась сильным ударом моего затылка о столб. Как больно! Значит, не сплю. Да и «Крепкий орешек» я уже давно не смотрел.

У Виллиса на груди была табличка, кажется, о нелюбви к «афроамериканцам». И очутился он с ней в Гарлеме. Смешно. Интересно, что здесь написано?

Я подобрал нужный угол зрения и прочитал: «У меня

юбилей!» Ну, это ерунда. И ниже: «Десятый банк в этом месяце!!!»

Сирена звучала уже совсем рядом. Сбежать – не сбежишь. И я почему-то решил, что самым моим логичным действием в данный момент, является переворачивание таблички на другую сторону. Вот до чего доводит беспробудное пьянство! Люди! Алкоголь – это смерть! Но если и не смерть, то движение в сторону деменции, это уж точно. Деменция – это не наследственное, а приобретенное слабоумие. Сдалась тебе эта табличка!?

Она отказывалась переворачиваться. Категорически. Но я очень старался. И всё же победил человек. Причем в самый последний момент. В унисон тормозов подъехавшего полицейского уазика, табличка легла на моей груди в нужном положении. Я даже испытал некоторое удовлетворение от проделанной работы.

Из всех дверей спецмашины высыпали вооруженные люди и побежали к распахнутым дверям банка. «Сегодня в этом банке день открытых дверей, – подумал я неожиданно весело, – и дверок банковских ячеек». Но последний полицейский вдруг замер, посмотрел прямо на меня и стал быстро приближаться, передергивая на ходу затвор пистолета. При этом я поймал его взгляд, направленный на табличку. Он явно что-то там прочитал. Я скосил глаза и увидел надпись «МЕНТЫ КАЗЛЫ!!!». Орфография, как говорят в таких случаях, сохранена. Я попытался соскочить и убежать вместе

с фонарным столбом. И эта попытка тоже закончилась плачевно. Особенно для затылка. Сзади меня раздались крики: «Да успокойся ты уже! Вот псих, неугомонный! Раньше надо было дёргаться». Я повернул голову назад. Как мог. И увидел целую компанию работников банка. Они в данный момент были «скованны одной цепью» вместе со мной.

Десять пальчиков и один лох

Далее особо рассказывать нечего. Никакого пистолета не нашли. Да и убитых или раненных из пистолета тоже не было. Зря я переживал. Как свидетель, я рассказал, что меня обманула незнакомая девица, встретившая меня недалеко от банка. Ну, на самом деле, не рассказывать же мне подробно о событиях предыдущих суток? Да и событий было не так много. Пьянка в ресторане и пьянка на квартире. Мне и без этого было стыдно, так как меня развели, как обычного «лоха». Да. Так оно и есть.

Серёга Воробьев рассказал мне затем, что девушку эту, ну Снежка, он не знает. Что она не из нашей компании. Что это я её притащил и посадил за наш столик уже в разгар вечера.

На квартиру к «бандитке» я не пошел. Глупо. Глупо предполагать, что грабители обчистили банк и теперь делят добычу по известному всем адресу. Они же не лохи. Да, даже если и лохи? Мне-то с ними что делать? Разные лохи другу другу не братья и не друзья. В общем, я попытался забыть о происшествии. Только рыже-блондинистая бестия нет-нет, да снилась мне в очередном ночном блокбастере. Странно. Я ведь не питаю к ней никаких чувств. Говорят, что человек снится, если он вспоминает о тебе. Может быть. Но мне-то что до её воспоминаний? Некоторое время меня даже распирала жажда реванша. Вот встречу тебя! И отомщу не по-

детски! Как отомщу? Пока не знаю. Но не по-детски – это точно.

Два раза меня вызывали на допросы. Но я каждый раз был предельно лаконичен: не помню, не слышал, не знаю.

Прошел уже месяц. Случай вновь привёл меня в этот район Питера. С большим пристрастием я осмотрел фонарный столб. Интересно, цепь они с собой притащили или это всё была импровизация из случайно попавшихся под руку материалов? Рядом с крыльцом банка курил человек, выглядевший, как охранник. Но я его до этого не видел. «Наверно, он из другой смены», – мелькнула мысль в голове. Стоп! Если я сейчас войду в банк, меня, возможно, там никто и не узнает. Так. А зачем мне идти в банк? А затем, что в моём кармане до сих пор лежит ключ от этого злосчастного сейфа, куда Снежок положила свою «папочку с документами». Ключ, сломанный телефон и свой паспорт я обнаружил в карманах, когда вытаскивал из них напиханные туда драгоценности и деньги. И немного этому удивился. Особенно ключу. Отчетливо помню, что я упал возле столика, на который служащий поставил сейфовую коробку. До ячейки от этого места не менее трёх шагов. И ключ, это точно, в тот момент торчал в замке. Затем, когда я уже давал показания, то обратил внимание, что банковский шкаф с арендованным мной сейфом вообще не тронут злоумышленниками. Все ячейки этого шкафа были закрыты. Значит, ключ кто-то мне положил в карман. Интересно, зачем?

Паспорт у меня тоже был с собой, и я решил, что мне надо пойти в банк, вернуть ключ и прекратить действие нашего договора на аренду. Я так решил! Имею право.

Сотрудник банка меня тоже не знал. Впрочем, что я всё время оправдываюсь? Знал, не знал – какая разница? Нельзя бесконечно стыдиться, и бояться того, что все будут указывать на тебя пальцем: «Смотри-ка, опять этот лох припёрся».

Прошло три минуты, а я уже сидел один за столом, на котором стоял металлический ящик. Что там внутри? Такой вопрос всегда интересен, особенно если ты открываешь полную тайн банковскую ячейку. А вдруг в ящике бомба? Да, ладно!?! Они же грабители, а не террористы. Нет, мне не было страшно. Мне было интересно, есть там хоть что-то – или нет? Я решил, ради интереса, взвесить ящик на руке. Если будет легким, то и вскрывать его не имеет смысла. Зачем открывать пустой ящик? Тяжелый, зараза. Хотя откуда ты знаешь, какого он веса, когда пустой? И вообще, что ты тут в квесты играешься? Открывай, уже! И я открыл.

Смешно! Внутри лежали 10 маленьких гипсиков. Да, уж! Какой же ты всё-таки лох, Федотов! Нет, не потому, что глупо и наивно позволил себя использовать. За этого «лоха» я уже давно себя изгрыз. Но как можно было поверить, что девушка за одно утро сломала сразу 10 пальцев? Впрочем, у меня есть оправдание – она была в парике блондинки. А это, как минимум 70% скидки на адекватность. Ты сам «блондинка» по жизни! Даже самая блондинистая блондинка не

смогла бы сломать одновременно все пальцы на одной руке! Попробуй поставить их в проем и хлопнуть дверью. Пятый палец, который называют «большим», никак туда не попадет одновременно с другими. Я в сердцах хлопнул крышкой ящика! Лох!!! Но сразу же её распахнул. Увидев знакомые гипсяшки, я не обратил внимание, что под ними не железо дна, а целлофан. Вернее, полиэтилен. Я вывалил гипсо-марлевые костяшки из ящика и потянул за эту пленку. Пленка порвалась и открыла мне дырочку, сквозь которую просвечивало что-то весьма интригующее. Минуты две я возился, чтобы вытащить плотно прижавшийся ко дну ящика пакет. Когда он оказался на столе, то первой моей мыслью была: «Не фальшивые ли?» Нет. Конечно, нет! Какой дурак возьмет на ограбление банка пакет с фальшивыми банкнотами? И тем более засунет их в эту ячейку? Чтобы подставить меня? Глупость несусветная. Зачем? В ящике оказалось ровно 20 пачек ПЯТИТЫСЯЧЕРУБЛЕВЫХ купюр. Сколько это всего? Почти «охренелеард», сказал бы Серёга. Может, она за ними хотела вернуться позже? Нет. Опять тупишь. Ключ же у меня. И вообще: будем считать это платой за сломанный айфон. И за все мои страдания! Не дорого ли?

После всех этих переживаний и метаний во мне закипела привычная перепалка совести с..., не знаю даже, как назвать её оппонента. Может, жизненной мудростью? Звучал сей диалог примерно так:

– И что теперь с ними делать?

– Надо отнести в милицию.

– Не в милицию, а в полицию.

– Какая разница?

Любой здравомыслящий человек скажет, что разницы между ними точно уж никакой нет. Но ни в милицию, ни в полицию мне нести их совсем не хотелось. Тут же нашлось оправдание этому: если я припрусь с пакетом денег, то они сразу назовут меня «организатором хитроумного ограбления».

– Тогда, может, стоит отдать эти деньги банку?

Вот тебя прёт, законопослушный ты наш филантроп! Час от часу не легче! Но и в данном случае в голове у меня родилось веское оправдание, чтобы не поступать таким образом. Деньги эти не принадлежали банку. Они принадлежали конкретным владельцам банковских ячеек. Я не поверю, сколько не убеждай, что деньги, отданные мной банку, попадут в руки реально пострадавших.

– Тогда надо отослать их в детский дом!

Угу – хорошая мысль. Хотя и не оригинальная. Но правильная мысль состоит в том, что не стоит торопиться даже с хорошими мыслями.

Поэтому я взял из пакета пачку. Всего одну пачку. Остальные положил на место и убрал в шкаф. Мы с сотрудником закрыли дверцу каждый своим ключом, и я пошел продлевать договор на аренду.

Скажете: бред, глюки, сон? Да я и сам до конца ни в чем

не уверен. Но в память об этих удивительных для меня событиях я смастерил из гипсиков оригинальное декоративное украшение. Какое? Очень интересное. Оно стало художественным хитом моей новой трёхкомнатной квартиры. Так словами и не расскажешь, как оно эффектно выглядит. Надо самому увидеть. Серёге Воробьеву оно очень понравилось!

Но, положив руку на сердце, зря я тогда взял эти ворованные деньги. Смалодушничал. Если бы мать узнала – прокляла. Позже я неоднократно пожалел о содеянном. Дьявол соблазнил и потащил меня дальше по проторенной другими грешниками дорожке. Иначе рассказываемая мной история на этом бы и закончилась.

Часть вторая

Пальчики вернулись

Прошёл год. За это время многое в моей жизни изменилось. Во-первых, я потерял работу. Наша «грымза», узнав о покупке трехкомнатной квартиры, вцепилась в мою печень своими крысиными зубками. Вот, скажите, какое отношение к ней моя квартира имеет? Эта стерва с глубоко-тюнингованной стандартной губастой внешностью героинь гламурных журналов считала, что её «рабы» получают слишком много за своё «пустопорожнее» пребывание в конторе. Смысл работы нашей организации она сводила к раболепному поклонению её талантам, уму и прозорливости. Все достижения конторы начальница связывала исключительно с собственной персоной, а все провалы с никчёмными «тупыми бездарями», т.е. с нами, с наёмными работниками. В ранг «тупых бездарей» сценарист Сергей Федотов просился давно. Но когда она узнала о покупке мной квартиры, я туда попал автоматически. Через неделю окончательно поняв, что мне здесь ничего не светит ни в материальном плане, ни в области карьерного роста, я без всякого сожаления негромко хлопнул дверью. И надо заметить, что в тот момент эйфория свободы и счастья заполнила меня по самую макуш-

ку. Или, как ещё говорят – до кончиков пальцев. Но счастье моё продолжалось совсем недолго. Безмерно талантливому, ужасно симпатичному и безумно образованному молодому человеку в Питере, как оказалось, места нет. Совсем нет. Не нужны современному российскому обществу такие передовые, креативные и порядочные люди. Это я снова о себе любимом. У молодых недостаток жизненного опыта с лихвой компенсируется гиперактивностью. В поисках выхода из создавшегося положения молодёжь успевает получить шишки у всех дверей жизни. Правда за это время умудрённый жизненным опытом человек порой даже не успевает решить в каком направлении ему двигаться. Я был молодым и легко ввязывался в любые авантюры, не задумываясь о шишках и вообще о последствиях. Помыкавшись целый год в состоянии непрерывного поиска, я плюнул на всё, перевернул очередную страницу своей жизни и умотал к двоюродной тётке в Москву. Или к троюродной? Идею с тёткой подсунула мне мать, считающая, что без родственных связей устроиться в столице невероятно трудно, вернее невозможно. Родственница по доброте душевной совсем недорого, всего за двадцать тысяч, сдала мне койко-место в своей хрущёбе. Но в тот день мне было не суждено проверить качество тёткиных услуг. Это был памятный для многих день – 15 июля 2014 года. Вагон метро, в котором я ехал к своему койко-месту в Кунцево, в один миг решил стать воздушным транспортом. Он оторвался от рельсов, вздыбился, бросился на стенку тон-

неля и развернулся поперёк движения всего состава. Раздался страшный скрежет, звон лопавшихся стёкол, визг, крики. Всё завертелось в вагоне вместе со мной, полетело, закувыркалось, искорёжилось, вляпалось ватой мозга о препятствие и заткнулось. В некоторых случаях навсегда. На время меня поглотило полное ощущение ирреальности происходящего. Пришёл в себя я в тот момент, когда понял, что лежу на какой-то брюнетке, заваленный сверху телами людей, раскуроченными сиденьями, сумками и огромным станковым рюкзаком неизвестного мне туриста.

Девушка открыла глаза и спокойно произнесла:

– Заметь, это ты на меня свалился, а не я.

Это была она – рыжая блонди по имени Снежок. Только на этот раз без парика, а с короткой причёской собственных тёмно-каштановых волос.

Я почувствовал себя героем водевиля, затем трагедии, детектива и в конце концов – фарса. Столь переменчивые ощущения загипсовали мой рот наглухо.

– Что молчишь? Рад нашей новой случайной встречи?

Случайной? Насколько она была таковой? В прошлый раз я тоже сначала так считал. Но потом оказалось, что всё в той ситуации было продумано до мелочей чьим-то циничным, опытным умом. Впрочем, здравомыслие быстро вернулось и завладело моим сознанием. Не устроила же девушка ради нашей встречи теракт в метрополитене? Конечно, нет. Я же не Генсек и не президент Всея Руси. Свалился я, види-

те-ли на неё. Это ещё кто на кого свалился. Господи, что мне теперь ждать от этой новой встречи? Ничего хорошего. Но надо признать – она дьявольски хороша. Даже в травмированном виде. Эта болезненная бледность её лица напомнила мне панночку из «Вия». Вспоминал ли я о Снежке этот год хоть раз? Конечно, нет!!! Не вспоминал. Ну, может, разок-другой. Впрочем, вру. Я о ней постоянно думал. Что я думал? Наверное, обмусоливал непоправимые обиды, нанесённые моему самолюбию. Да!!! Нет, опять лукавлю. Просто приятно было вспоминать, какая она симпатичная..., привлекательная..., милая..., красивая. Ну вот, ты опять растаял. Ты же обещал сам себе больше о ней не думать. Я бы и не думал, но видно, судьба у меня такая. Не могла наша встреча быть случайной. Раз никто из физических лиц её не мог организовать, значит, её организовал сам бог. Бог? Ну, не бог, а кто-нибудь из его приближённых. Хорошо, хорошо, согласен – это козни дьявола. Но мне в тот момент от этих козней было невероятно приятно. И я расчувствовался:

– Снежок, – неуверенно выдавил я.

От предвкушения неизбежной бездны моего падения губы спеклись и отказывались слушаться. Я размял их и продолжил:

– Эй! Чего молчишь?

Девушка не отвечала. Её глаза были закрыты.

– Снежана!

А в ответ тишина.

– Да, блин, наглая твоя рожа! Ответь! Ты не померла?

Ноль реакции на мою грубость. Наконец я додумал, что она потеряла сознание. На меня тоже нахлынула нестерпимая боль, пронзая всё тело, но особенно голову. Тем не менее, я нашёл в себе силы раскидать вещи, встать на колени и попытаться вытащить «чертовку» из завала. Она застонала, открыла глаза и прошептала:

– Больно, нога...

Только тогда я сообразил, что она могла серьёзно пострадать. Мне не было видно её ног. Когда я расчистил пространство, то обнаружил, что её красивые длинные конечности переплелись с искорёженными металлическими поручнями в тугой, непонятно как закрученный узел. Бедная девочка, ей невероятно больно! Вместе с очкастым дохляком, очевидно студентом-бюджетником, я кое-как сумел освободить её ноги из хватки металлического спрута. Моё желание изобразить из себя киношного героя и вынести девушку на руках на поверхность земли, где сотни спасателей, репортёров и врачей с восхищением бросятся мне на помощь, уперлось в стандартную надпись метрополитена. Помните трафарет на дверях – «Нет выхода». Вот то-то и оно. Из искорёженного вагона тоже не было выхода. Удивительно вообще, что внутри этого короба смерти осталось хоть какое-то пространство. Не буду рассказывать, что я думал в следующий час-полтора, пока нас не «извлекли из-под обломков». В этом мало интересного. Скажу только, что те, кто остался жив в этом крова-

вом месиве, до сих пор вызывают во мне только уважение и гордость за человеческий род. Все, словно одна семья, не ноя и не истеря, помогали друг другу всем, чем можно. Делились водой, накладывали самодельные шины, подбадривали друг друга словом. Но и, конечно, вытаскивали всех тех, кто пострадал неизмеримо сильнее.

Когда нас спасли, неожиданно для себя я почувствовал, что краски мира расплываются перед глазами. Мне стало так плохо, что сознание на время покинуло меня. Последнее, что выхватил взгляд – были нежные прозрачные глаза Снежка. Она лежала на носилках и смотрела прямо мне в душу. В этот миг я осознал, что люблю её. Не просто люблю. Не знаю, как выразить свои чувства. Я просто сошёл с ума от любви к ней. Кошмар! Катастрофа! Нормальной жизни конец! Но это было так. Моё сердце вырезали, покрасили в розовый гламурный цвет, надули гелием, привязали нитку и отдали ей в руки – можешь делать, что хочешь. Хочешь – проткни сразу, порви в клочья, а хочешь – поиграйся и отпусти в небо.

Я лежал в палате и ничего не делал, не обращая ни на кого внимания. Ни на санитарку, которая ежедневно татуировала мою задницу посредством шприца, ставила капельницу и измеряла температуру. Ни на дознавателя, который задавал вопросы о событиях, предшествующих крушению поезда. Ни на соседей по палате, которые подшучивали надо мной, предлагали помощь и приглашали сыграть в картишки. Я просто лежал, смотрел в потолок и слегка улыбался

краешком губ. Мне было хорошо. Впервые в жизни любовь постучала в моё сердце. Надолго ли? Не знаю. Никогда особо не задумывался о том, почему, прожив на этом свете двадцать восемь лет, я так и не испытал это чувство. Но где-то в глубине души у меня иногда закрадывались сомнения – вдруг жизнь пройдёт, а я так никого и не полюблю. Вон, Серый, это который Воробьёв, уже может писать трактат «Сто оттенков любви», а ко мне это чувство до этих пор ни разу в жизни не постучалось. Двадцать восемь лет без любви! Надо же! И вдруг лежу такой весь в волнительной неге и улыбаюсь потолку. Вот что это такое? Как объяснить? Да никак не объяснишь. Любовь – непонятное чувство, необъяснимое, волшебное. Можно читать умные книги. Нет, можно сто раз пересмотреть передачу, в которую собрали десятки свидетелей, учёных, психологов, писателей, ну и этих, экспертов, как без них. Все они с умным видом начнут тебе толковать, что любовь – это физиологическое влечение полов. Угу, так я и поверил. Вокруг меня за мою жизнь этих представительниц прекрасного пола (извините меня адепты современных форм толерантности, но я говорю только о такой любви) было, ну просто завались. Огромный университет, школа, улица, контора, будь она неладна. Все эти здания, пространства и помещения были под завязку забиты вызывающе и стильно одетыми, ухоженными и растрёпанными, покрашенными и не очень – в общем красавицами всех мастей и на любой вкус. Но меня уколошило наповал «влече-

ние полов» к девушке, которая меня использовала вовсе не в качестве представителя другого пола. Я её за это должен был просто ненавидеть. Обязательно вылезет на экране какая-нибудь дама в очках с ярко на помаженными губами и больно ткнёт пальцем в глаз, мол, любовь бывает разной. Бывает и мазохистская любовь. Вот меня и извращенцем обзвали. Но я точно знаю, что люблю Снежка вовсе не потому, что она делает мне больно и это почему-то, не понятно почему, должно приносить мне удовольствие. Враки всё это. Любовь не обязательно должна приносить страдания и удовольствия. Нет, не так – она приносит и то, и другое. Но у последователей Мазоха всё это связано вовсе не с чувством любви, а с чувством удовлетворения. Потом на экран выползет какой-нибудь кудрявый, щерящийся в пакостливой ухмылке аналитик и начнёт объяснять любовь необходимостью человеческого индивидуума чем-нибудь жертвовать ради другого человека. Всё это так. Вот сейчас встану с кровати и перелью литр крови какой-нибудь даме, пострадавшей в автокатастрофе. И что? Фигня всё это. Все эти потуги АНА-Литиков, которых я называю про себя проктологами масс-медиа, так как их профессия происходит не из «анализа», а из другого места, весь этот уверенный бред массовых телевизионных «экспердов», которых, как мне кажется, просто ловят для ток-шоу на улице – всё это полна фигня, пытающаяся объяснить необъяснимое. Вот не дано человеку своим умом представить и понять пространственную бесконеч-

ность мироздания. Хоть как ему объясняй – хоть формулами, хоть на пальцах. Где-то же у вселенной должен быть забор или крутой берег. Сомнения по этому поводу будут всегда, сколько не слушай крутых аналитиков с сумасшедшим взглядом, усиленным очками 15 плюс. Нужно просто верить, что мир безграничен, так как понять это невозможно. Вот и любовь – это явление, неподвластное рациональному объяснению. Можно верить, что она где-то рядом и уже на подходе или просто повторять, как мантру, что она не существует. Но лучше её познать. Объяснений, по сути требуют только те, кто её не испытал. Для остальных все эти рассуждения вызывают лишь лёгкую улыбку на губах. Они знают, что такое любовь. И знают, что её нельзя объяснить ни с помощью художественной литературы, ни с помощью науки. Любовь, это явление, как божественного, так и дьявольского происхождения. При этом никто ни бога, ни дьявола не видел. Тем более не видел их вместе. Пациентов особых лечебниц и буйных фанатиков религиозных течений я в расчёт не беру. Короче, девчонки и мальчишки – ждите. Возможно, что вы не проспите, уткнувшись в свой гаджет, это замечательное неповторимое чувство, созданное мирозданием в награду и в наказание людям.

Познав истину на девственно белом пространстве потолка, я с улыбкой на лице потянулся и резко соскочил с кровати, чем вызвал не только переполох в палате, но и резкую боль в моей чугунной от аварии голове. Всё-таки, сотрясе-

ние мозга так просто не проходит. Впрочем, я был даже рад, что меня не отпустили из больницы уже через пару деньков. Кроме головы пострадала и грудная клетка. Вернее, то, что находится под ней. Сильный ушиб, распластавшийся разноцветным синяком по передней части моего туловища – это только надводная часть последствий катастрофы. Под грудной клеткой больше всего пострадала печень. Её лечение и привело к моему многодневному пребыванию в госпитале. А рад я был лишь только потому, что надеялся встретить здесь Снежка. Несомненно, её не могли так сразу отпустить домой. Неизгладимым кошмаром в моих глазах продолжала висеть одна и та же картинка: девушку кладут на носилки, а её нога с невероятно пугающе вывернутой стопой, самостоятельно болтается в стороне от тела. Если не упираться носом в эпикриз, начертанный тайнописью доктора, а сказать по-простому: несомненно, у Снежка был перелом ноги. Причём такой, который лечат только в больнице. Поэтому, отстранив санитарку, прибежавшую по вызову какой-то доброй души, и объяснив ей, что всего лишь очень хочу в туалет, я потащился на первый этаж в регистратуру. Понятно, раз есть катастрофа, значит должны быть и списки пострадавших, доставленных в это лечебное учреждение. Списки были. Но в них я не нашёл имени «Снежана», хотя не очень этому удивился. Ещё бы —пассия моего сердца не так глупа, чтобы называться своим именем перед ограблением банка. Ну, нет, так нет. И я двинулся по этажам, врываясь подряд во все па-

латы. Всё это напоминало миссию проводника из купейного вагона. Только, постучавшись в дверь, я не предлагал чай и прохладительные напитки, а спрашивал есть ли в этой палате девушка по имени Снежана. В конце концов, дойдя до пятой в очереди моей ревизии палаты, я был пойман командой санитарок и сопровождён в своё лечебное отделение, где преобладали пациенты с желтушным цветом лица. Как только, вдоволь наговорив мне всяких нелицеприятных слов и назиданий, они удалились, я снова двинулся «в туалет». Многократно сопровождаемый в исходную точку, к вечеру я понял, что всем санитаркам были выданы розыскные листы с моей физиономией в анфас и в профиль, с текстом о моей антиобщественной деятельности. Может, там даже были отпечатки моих пальцев. С каждым разом меня вылавливали всё быстрее и быстрее. Перед сном, чуть приоткрыв дверь палаты, я сразу попал под перекрёстный взгляд сразу трёх санитарок, и молча ретировался на кровать готовиться ко сну. Но всю бессонную ночь меня мучали муки влюблённого по уши юноши. Мне не терпелось встретиться с объектом своих воздыханий. Поэтому утром сразу после обхода я воспользовался тем, что все медики, возглавляемые доктором, зашли в соседнюю палату и сдригнул вниз. В холле напротив стенда объявлений стояли два парня и внимательно читали списки пострадавших в аварии пациентов. Я пришёл с бумажкой и карандашом – хотел выписать палаты, куда поместили девушек 20-25 лет, чтобы сузить зону моих пока бесцельных по-

исков. Что-то меня в этих субчиках сразу насторожило, и я встал чуть в сторонке, рассматривая препараты в больничной аптеке. Тот, что был ниже ростом, с короткой стрижкой и оттопыренными ушами, суетливо пролистал взглядом все страницы списка и с усмешкой констатировал:

– Здесь её тоже не наблюдается. Я же говорил, что наша принцесса спряталась от нас в тридевятиом царстве, тридесятиом государстве, воспользовавшись благовидным предложением.

Я сразу узнал голос любителя сказок. Это он тогда предложил оставить отпечатки моих пальцев на банковских ячейках. Второй ему ответил:

– Ты как всегда поверхностно всё воспринимаешь, ища её настоящую фамилию. Вот же она! – он ткнул пальцем в список. – Палата номер триста четырнадцать.

– Точно! Маруся Климова. Это на неё похоже! Как я сразу не допёр? Главное, чтобы она нас в конце этой песни не сдала ментам, – и он засмеялся собственной шутке, пропев при этом: – И за это пулю получай! Прощай!

– Балбес ты, Леший, – напарник отвесил ему подзатыльник.

Они ушли, а я удостоверился, что в палате №314 и на самом деле лежит Мария Климова 1992 года рождения.

Во время обеда я незаметно скрылся из-под бдительного надзора санитарок и прихватил в кабинете старшей сестры халат и шапочку. Дама была дородной и халат болтался

на мне, как на вешалке, а шапочка наоборот не налезала на голову. В таком виде я явился в палату моей пассии. Снежок лежала на кровати. Её правая нога смотрела в небо, поддерживаемая конструкцией, известной всем по художественным фильмам. Я взял стул и сел у изголовья её кровати.

– Ну, что больная, как мы себя чувствуем? – для проформы я взял кисть её правой руки и стал щупать пульс, отметив про себя, что он не стал учащённым.

– Заметьте, доктор, с каждой новой нашей встречей количество гипса на моём теле увеличивается с геометрической прогрессией, – она вяло улыбнулась, указывая на загипсованную ногу: – Боюсь, что при следующей нашей встрече я буду представлять собой гипсовое изваяние с веслом в руке.

В моём воображении она тут же предстала в виде статуи, стоящей на пьедестале в парке. Несомненно, Снежок выглядела бы эффектно даже с копьём в руке:

– Не думаю, что будет так. Скорее всего ты снова сменишь имя и станешь какой-нибудь Милой Гипсон.

– О, доктор, вы слишком внимательны к моей персоне. Вы что-то хотите от меня?

В палате кроме нас ещё находилась только одна нетранспортабельная пациентка. Остальные ушли на обед. Тётка сначала пыталась нас подслушать, но не уловив нить беседы, потеряла интерес, поняв, что не сможет осмыслить услышанное.

– Не бойся, я не жажду мести или реванша. Я хочу видеть

вас, Мария... , как по бабушки?

– Просто, Мария.

– Я хочу видеть вас, «просто Мария», просто здоровой.

– Как сильно вы этого хотите?

– Очень сильно. Я желаю, чтобы пациентка находилась под моим ежедневным пристальным наблюдением.

– Заметьте, доктор, это довольно курьёзный случай в российской медицине. Обычно пациентки об этом мечтают, а доктора проявляют равнодушие.

– Ничего курьёзного. Это распространённое явление, известное современной психологии, как «Стокгольмский синдром». Один мой друг, хорошо известный нам обоим, заболел любовью к террористке, грабительнице банков.

– Доктор, это клинический случай. Посоветуйте ему принимать успокаивающие седативные препараты. Между прочим, время – лучший лекарь.

– Ничего подобного. За последний год товарищу стало только хуже. Кризис усилился.

– Я думаю, что знаю лучшее средство от этой его болезни. Пусть представит, что у террористки нет одной ноги. Отсутствие эстетики в объекте его обожания нейтрализует его вождение.

– Нет. Я думаю, что это его не остановит.

– Заметьте, мы можем это легко проверить.

– Как?

– Просто. У террористки ампутировали левую ногу.

Она откинула нижний край одеяла, и я увидел, что там только простыня. В висках застучало.

– Что-то, доктор, вы побледнели. Теперь, чтобы гипсовая статуя не свалилась с пьедестала его любви, известный нам друг должен стать для неё опорой, заменив весло. Между прочим, это ежедневная каторга, любить инвалида.

Я не знал, что ей ответить.

– Красноречие исчезло? Любовь растаяла, как сон?

– Я...

– Не надо доктор. Я не хочу, чтобы меня жалели. Уходите. Мне надо отдохнуть. Впрочем, подайте мне утку, – она указала на пластмассовую ёмкость, лежащую на нижней полке её прикроватной тумбочки, – мне пора справить свои натуральные потребности.

Зависнув на время, я встал и потянулся за уткой. Она перехватила мою руку:

– Молодец! Держишь удар. Не буду тебя добивать натуралистическими подробностями моего больного тела. Иди. Уходи, я сказала!

Я перехватил её руку, сжав при этом ладонь, и посмотрел в глаза. Они не выражали ничего особенного. Ничего, отличимого от равнодушия и холода. «Маруся Климова» вырвала руку из моей ладони и выдавила сквозь зубы:

– Видеть тебя не хочу.

– Снежок!

– Пошёл вон!

Я попытался что-то сказать, как-то выразить сочувствие и обнадежить, что не оставлю её в трудную минуту. Но по понятным причинам всё это выглядело фальшиво и неестественно. Мне самому было крайне сложно и неприятно. Я не мог сообразить, как мне сгладить ситуацию и вообще – как мне поступать в дальнейшем. В это время в палату вошли шумные соседки, а с ними старшая сестра, сразу уставившаяся на свой халат, накинутый на мои плечи. С позором я был выпровожен из палаты № 314.

Ночью я вновь практически не спал. Вообще не спал. Её глубокий грудной голос с небольшой хрипотцой не давал мне покоя. Прозрачные серо-голубые глаза девушки, чуть смоченные слезинками, смотрели на меня изнутри моей черепной коробки. Всё было плохо, тошно, отвратительно. Как мне поступить? Бросить её на произвол незавидной судьбы я уже не мог. Почему? Да потому, что я проглотил солнце. Меня выжигало изнутри от избытка чувств, когда я её видел. Да, что там видел! Когда просто думал о ней!

В обед следующего дня доктор Федотов вновь появился у её постели. Увидев меня, она закрыла глаза и прижала ладошки к своим нежным ушкам, показывая этим, что никакого общения не будет. Тем не менее я постарался нетривиально выразить ей своё отношение к происходящему. Хотелось доказать, убедить, уверить, что ничего ещё не потеряно. Жизнь продолжается. Всё это звучало банально. Тогда я рассказал придуманную ночью притчу:

– К одному человеку, слывшему мудрым, пришёл человек и стал жаловаться на то, что он несчастный: его никто не любит, поэтому у него нет семьи, и он беден, так как по неосторожности в детстве потерял руку. Мудрец возразил, что все беды у него не от того, что нет руки. Главное для человека – сердце. У осьминога восемь ног, а у сороконожки ещё больше. Но это не повод, чтобы утверждать, что они более счастливы, чем человек, у которого всего две руки. Значит счастье не зависит от количества конечностей. «Тогда отчего оно зависит?» – спросил инвалид. «То, что ты беден и несчастлив в любви, зависит только от тебя. От твоего ума и сердца. Ты не один в мире, наделённый физическими недостатками. В мире множество людей, страдающих от отсутствия любви. Полюби сам и тогда ты получишь горячую любовь взамен. У вас родятся дети и твой ум начнёт шевелиться, чтобы придумать, как их прокормить. Ты найдёшь способы того, чтобы твоя семья жила безбедно. Но для начала ты должен полюбить». «Ты всё врёшь», – возразил гость. На что мудрец возразил: «Не вру. Любят не за достоинства или недостатки. Любят человека, который сам любит и хочет быть любимым». «А сам-то ты счастлив? Испытал это чувство?» «Конечно, я любил. И продолжаю любить свою жену». «Эту хромую, косоглазую страшила, которая приносила нам чай?» «Это ты так про неё говоришь, потому что видишь глазами, а не сердцем. Но она для меня самая красивая, самая мудрая, самая верная жена, мать моих детей. И

всё это не потому, что я слеп от роду, а потому, что любовь делает человека красивым. Не важно, любит ли тебя кто-то в данный момент. Важно, чтобы ты имел желание кого-нибудь любить и делал это всем сердцем».

В конце притчи для усиления эффекта я добавил высказывание Кузьмы Пруткова:

– Если хочешь быть счастливым, будь им!

На этих словах меня снова выставили за дверь палаты.

На следующий день я вновь во время обеда попёрся на третий этаж. На ступеньках меня поджидала «парочка простых и молодых ребят».

– Стэлс, где-то я уже видел эту рожу, – преградил мне дорогу Леший.

Его напарник, стильно одетый симпатичный парень с точёным носом и бледным цветом лица, ответил:

– Да это же тот самый грабитель, который год назад в Питере вынес из банка три миллиона баксов.

Обладатель оттопыренных ушей присвистнул:

– Какой бардак в стране развели! Если бы украл кошелёк с пятнадцатью рублями, давно бы уже парился на шконке. А что он делает здесь, в этом заведении человеческого милосердия? Может, совесть лечит?

– Нет, братишка, он на нашу сестру глаз положил. Хочет инвалидку приобщить к списку своих сексуальных побед.

– Вот ведь извращенец! Куда катится мир? Может мы уравнием их исходные данные?

– Что ты предлагаешь?

– Оторвём ему ногу. Тогда они не смогут жить друг без друга. Представляешь прогулочку этих инвалидов. Такие дык-дык, прижались друг к другу и поскакали на променад.

«Аристократ с точёным носом» скривил свои тонкие губы в подобие улыбки:

– Какую ногу будем отрывать?

– У Маруси какой не хватает?

–левой.

– Значит ему правую будем отрывать – для равновесия при прогулках.

Леший схватил меня за грудки и, приставив нож к горлу, придавил к стене:

– Ну, ты, любитель инвалидов. Если ещё хоть раз замаячишь возле нашей сестры, считай, что до конца жизни будешь скакать на одной ножке.

Стэлс уставился на меня своими холодными серыми глазами:

– Учти, извращенец, у нас есть все твои данные. Паспорт твой тебе Леший в карман тогда засунул. Но перед этим сфоткал. Мы не дадим свою сестру в обиду. Из-под земли тебе откопаем.

После душевного разговора с родственниками моей возлюбленной я резко изменил маршрут следования и направился напрямиком к главному врачу. Дверь в его кабинет оказалась открытой. Одетый в строгий костюм мужчина сто-

ял возле стола и складывал бумаги в элегантный кожаный миниатюрный портфельчик. Внешний вид, причёска и очки главврача чётко соответствовали стилю руководителя высшего ранга в иерархии номенклатуры нашего государства. Не отрываясь от сборов, он нехотя спросил:

– Вы кто?

Кто я? Как ему объяснить? И я ответил:

– Я больной.

Также, не глядя в мою сторону, он проворчал себе под нос:

– Мы все больные, ибо когда-нибудь умрём. Перейдём ко второму вопросу. На что жалуемся?

– Жалуемся мы на медперсонал, который не подпускает меня к постели невесты.

– И правильно делает, что не подпускает. Вы, наверное, с ней здесь познакомились? Поди и спиртное с собой прихватываете.

– Какое спиртное?

– Известно какое, с градусами. Если так уж невтерпёж вашим гормонам, то встречайтесь где-нибудь на лестничной площадке. Не мешайте выздоровлению других пациентов, не нарушайте регламент медицинских процедур.

– Я не могу с ней встречаться на лестничной площадке.

– Но и женская палата, это не женское общежитие камвольно-суконного комбината. Для того и разделили вас на женские и мужские палаты, чтобы грех совокупления не превратил богоугодное наше заведение в богохульное.

– Я не поэтому. Ей постоянный уход нужен.

– Кто такая?

– Мария Климова. Жертва теракта в метрополитене.

– Никакого теракта не было. Это авария. А что с ней?

– Ей ногу ампутировали.

– Ногу ампутировали, ногу ампутировали. Кому ногу ампутировали?

– Ей.

Только теперь главврач впервые взглянул на меня, застегнул портфель и бросил его на кресло. После этого он нажал кнопку какого-то селекторного устройства:

– Халиса Асхатовна.

– Да, Вениамин Андреевич, слушаю.

– У кого там ногу оттяпали? Почему я не знаю?

– Ногу? Минуточку, Вениамин Андреевич..., – через некоторое время она вновь подключилась к селектору. – Последняя ампутация у нас была больше месяца назад. А как фамилия пациента?

– Маруся Климова. Тьфу-ты, Мария Климова, – он снова посмотрел на меня. – Правильно?

Я кивнул головой в знак согласия. В селекторном устройстве вновь послышался женский голос:

– У Климовой открытый перелом правой ноги, ну и остальное по мелочи. А кто вам сказал про ампутацию?

Главврач снова меня спросил:

– Вы кто?

Я не нашёл ничего лучшего, чем сказать:

– Жених.

– Жених, Халиса Асхатовна, мне сказал. Жених!

– Чей жених? – не поняла помощница.

– Её жених, скорее всего. Не мой же.

– А! Поняла!

– Что поняла?

– Это такой симпатичный паренёк из 246 палаты к ней всё время прорывается. Он вам сказал?

– Очевидно.

– Она сама его не хочет видеть. Да и пациентки на него жалуются. Не даёт им спокойно лечиться.

– Понял. Я на совещание. Сегодня меня уже не будет.

– Хорошо Вениамин Андреевич. А что с женихом делать?

– У нас есть свободная коммерческая палата?

– Сегодня освободилась.

Он взглянул на меня:

– Двенадцать тысяч в день. Будешь платить?

Я почему-то без раздумий утвердительно кивнул.

– За десять дней завтра к одиннадцати сюда принесёшь, – без обиняков заявил главный врач больницы и, вновь нажав кнопку, важно сказал: – Халиса Асхатовна, переселяйте её туда. Считайте, что минимум за десять дней клиенты уже оплатили. Завтра оформим. У меня всё.

Он встрепенулся, схватил портфель и резко подошёл к дверям, в проёме которых стоял я. Похлопав меня по плечу,

он резюмировал:

– Я твои проблем решил. Но и ты не создавай новых.
Успехов Ромео.

Поманила пальчиком

Деньги у меня пока ещё водились. На карточке их было чуть больше заявленной суммы. Но в этот момент я даже не думал, как буду жить в дальнейшем. С трудом выждав час и узнав у медсестры куда переселили Климову, я нарисовался на пороге коммерческой палаты. На этот раз Снежок не стала молчать, огорошив меня с порога:

– Вот и благодетель нарисовался. Думаешь, что у меня нет денег? Просто я не хотела лежать одна. Здесь тоскливо.

– Зато есть личный телевизор и кондиционер.

– Сам смотри свой дурацкий ящик. А на кондиционер глядеть в одиночку и вовсе глупо, – вытравила она на меня своё недовольство.

– Почему в одиночку? Со мной, – я приоткрыл соседнюю дверь. – Здесь и туалет с душевой кабинкой имеется.

– Единственное реальное развлечение, – она ехидно прищурила глаза и наехала по полной: – Поняла! Ты рассчитываешь здесь весело проводить время. Не дождёшься!

Я подошёл и нагло присел на край кровати:

– Дождусь. Куда ты денешься?

– Значит тебя не останавливает тот факт, что у меня нет ноги?

– Не останавливает. Ты мне нравишься такая, какая есть, – и я, набравшись ещё большей наглости, откинул оде-

яло. Она попыталась резко и незаметно подоткнуть левую здоровую ногу под себя. Я заверещал ложно-драматическим голосом: – О! Чудо! Отросла новая! Лучше старой! Даже гораздо лучше! Святому Иоргену такое и не снилось.

– Если ты до сих пор считаешь, что я недалёкая блондинка, меняющая парики и ломающая в дверях пальцы – то ты глубоко заблуждаешься. Эту роль я давно сдала на хранение в костюмерную.

Моя попытка погладить её «новую» ногу, оборвалась болезненным ударом по руке:

– Чего ты дерёшься? Должна быть благодарна, что моими молитвами у тебя выросла новая нога. Не хуже прежней.

– Я думала, что ты захочешь отомстить мне за унижения нашей первой встречи. А ты – размазня, тряпка!

Меня в этот момент невозможно было обидеть. Продолжая улыбаться, я всё же дотронулся до её ноги:

– Надо же! Как настоящая. Даже тёплая.

– И братьев моих ты не боишься. Смелый, – протянула она. – Вот ведь прицепился. Не оторвёшь. Ты же видишь, что у меня в душе нет ничего святого. И верить мне нельзя. Зачем тебе такая? Одни страдания.

– Что же делать, если я в тебя влюбился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.